

УДК 101.9
DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-129-135

А. Г. ИВАНОВ
И. Н. ПУПЫШЕВА

Тюменский
государственный университет,
г. Тюмень

КОГДА ХАЙДЕГГЕР — ПРОДЮСЕР: КАК БЫТЬ ЭКОЛОГИЧНЫМ ПО ВЕРСИИ ТИМОТИ МОРТОНА

В центре внимания авторов находится книга Тимоти Мортон «Стать экологичным». Книга посвящена проблематике экологического сознания и стиля жизни. Необычный подход Мортон развивает идеи Грэма Хармана, Иммануила Канта и Мартина Хайдеггера, но не предлагает никакой панацеи в эпоху массового вымирания. Мортон скорее ставит под вопрос саму нашу озабоченность поисками этой панацеи. В эпоху, когда экологический стиль жизни кажется героическим и возвышенным, он говорит нам: «Вы уже экологичны». Авторы пытаются проследить, как Мортон развивает понятия Канта и Хайдеггера, придавая им, с помощью техники объектно-ориентированной онтологии, новую и актуальную интерпретацию.

Ключевые слова: Тимоти Мортон, Мартин Хайдеггер, вещи, экологичность, настроение, фактоиды, объектно-ориентированная онтология, эстетический опыт.

Перед вами «довольно бесполезная книга по экологии» [1, р. xiii] — так определяет «Being Ecological» Тимоти Мортон. И это позиционирование выделяет книгу из того ряда, казалось бы, ей подобных, если следовать за названием. Привычным ожиданиям читателя не суждено сбыться. Книга об экологичности не обязана быть книгой по экологии. Объекты, как и жанры, «скользкие животные», к тому же это всего лишь «определённый способ быть»: «они [жанры] имеют отношение к тому, что некоторые философы называют Другим и когда вы пытаетесь прямо указать на другого, оно (или она, или он, или они) исчезают» [1, р. xv]. И вот уже перед нами книга о философии: о философии экологии, с одной стороны, о философской интерпретации или философских интерпретациях — с другой, а то и вовсе о поворотах в философской интерпретации экологических данных.

Тимоти Мортон — неоднозначная фигура для всех тех, кто интересуется вопросами экологии и философии экологии. С одной стороны, его мысль с 2002 года развивается вокруг глобального потепления и его последствий, антропоцена и антропоцентризма. С другой — он непривычно подходит к постановке экологических проблем и задаёт неожиданный контекст для поиска решения, а порой кажется, что и основ проблематизации. Его недавние рассуждения об экологии без природы, об эстетике туши лося и гиперобъектах вызвали общественный резонанс, и имя Тимоти Мортон называется одним из первых в рейтингах самых необычных или самых модных современных философов. В настоящей книге он в некотором смысле

ещё более радикализует свою «экологическую» позицию и, кажется, сочувствует тому человеку, который в общем контексте сочувствия к природе остается безразличным. Не встраиваетесь в «экологический хор»? Не заламываете рук по завершении экологической конференции? Избегаете наплыва экологических данных? Но это не ваша вина, вам и так много чего приходится делать, и жизнь складывается таким образом, что до экологии вам не может быть и дела. И вообще, расслабьтесь, вы уже и так экологичны!

Что значит спросить себя о существовании экологичности? Этот вопрос о такой же «относительной сущности» как сущность искусства в рассуждениях, например, Тьерри де Дюва в «Артефакте» («произведение соткано из многочисленных и сложных связей со своим «внешним» [2, р. 24]). «Иногда трудно читать историю, потому что она всегда основана на неявных понятиях, которые часто остаются непроявленными» [1, р. 136] — таким размышлением о комплексности идей и отношений предваряет Мортон свой экскурс в историю экологической мысли. Собственно, потому важнее для него описать стили и способы развития идей, чем воссоздать историю. Это уже как будто даёт косвенный ответ на главный вопрос: быть экологичным — значит мыслить экологичность в определённом режиме. Режимы определены понятиями (и в этом рефлексия необходима): термин «экология» уже задаёт позицию пребывания в доме и навязывают соответствующие отношения окружающей среде, приводящие к антропоцентризму. Природа [nature] описывается на допущение о натуральном, подменяющем

порой экологичность Эко-брендингом. А общая логика дихотомического мышления доводит до экологически изолирующих суждений, принимающих религиозный характер. Тренд на эффективность выстраивает экологические высказывания в экономическом и политическом дискурсе. Режимы экологического высказывания, составляющие в совокупности историю экологической мысли, оказывались режимами экологического действия. Потому кажется, что стать экологичным подразумевает быть экологом. Экологи действуют, обсуждают, принимают решения, спасают Природу.

Так почему же можно остаться безразличным и беззаботным и при этом быть экологичным? Что это за книга и как ее читать? Помимо разных режимов экологического мышления, есть разные режимы письма и чтения, и книга Мортон, как он сам её определяет, — не обычная книга по экологии. Распространенный режим подачи информации в экологическом направлении — это режим навала фактоидов, — обрывков данных, — поданных как ИСТИННЫЕ ФАКТЫ. Это тот режим подачи информации, которым пользуются популяризаторы науки, например. Если для самой науки факт — сложная и неоднозначная конструкция, выступающая результатом отбора, то для режима фактоидного навала информация предоставляется как истина в последней инстанции.

Книга Мортон — это не еще один вброс экологической информации, как предупреждает автор во Введении. Он не собирается наваливать перед нами кучу «фактов», призванных вызвать у нас чувства страха и вины, эти чувства способны иметь и противоположный эффект, эффект отрицания. Автор размышляет над вопросами, ответы на которые, казалось бы, очевидны: Кто мы? Что значит глобальное потепление? Что такое данные и факты? Как рождается правдоподобие? Что это за вопросы такие? Ха, да, это попросту философская книга! А что это значит? «Будьте уверены, — пишет Мортон, — эта книга не будет проповедовать вам. Она также не содержит никаких экологических фактов, никаких шокирующих откровений о нашем мире, никаких этических или политических советов, а также никакого грандиозного путешествия по экологическому мышлению. На самом деле это довольно бесполезная книга по экологии» [1, р. xiii].

Нет наук более бесполезных и более прекрасных, чем философия? Похоже, что эта аристотелевская аллюзия говорит о том способе, каким Мортон собирается соблазнить своего читателя: показать полезность бесполезности. Это аллюзия в том числе говорит и о внимательном отношении к вопросу. И вопрос «что значит быть экологичным?» обнаруживает изъян в фундаменте вопрошания. Где и когда мы мыслим себя, когда спрашиваем? Где и когда по отношению к экологической катастрофе? Но это не вопрос хронологии. Эпоха массового вымирания, в который мы можем оказаться, — это не грядущее, прошлое или настоящее, это способ настройки и интерпретации экологических данных; такой же определённый нами способ быть в информационном поле, как мы определяем способ быть на вечеринке.

Информационная свалка экологических фактоидов определяет такой «способ быть», при котором человек ведёт себя как пациент Зигмунда Фрейда. Притупление реакций на экологические данные, равнодушие по отношению к информации о катастрофически необратимых изменениях и из-

бегание мыслей по поводу последствий глобального потепления приобретают симптоматическое объяснение, отменяющее деление людей на хорошо и плохо относящихся к природе, на правильно или неправильно экологически настроенных, мыслящих и действующих. Реакции, интерпретированные как симптомы, схожи с проявлениями посттравматического синдрома (ПТСР) — как попытка предвидеть то, внутри чего уже находишься. Массовое вымирание — это, безусловно ужасно, а в психоаналитическом дискурсе настолько, чтобы не желать быть травмированным настоящим. Но это настройка на будущую катастрофу, которая потенциально предотвратима. И как бы мы ни вели себя, будучи так настроенными: избегали ли разговоров о глобальном потеплении или, напротив, требовали от окружающих немедленных превентивных действий, такой тип мышления исключает ответ на вопрос о существовании экологичности (но не исключает самой экологичности).

Мыслить экологично для Мортон — значит мыслить в соответствии с данными, а не в ожидании правильных данных. Профилактические меры в эпоху массового вымирания опоздали, и лишь отбрасывание самой идеи в их необходимости содержит путь к эко-мышлению. А потому тезис «мы уже экологичны, и не надо для этого ничего делать» приобретает не пассивный, а активный смысл. Признать его — значит предпринять колоссальное усилие по преодолению собственной травмированности; значит прекратить поиски себя в вымышленном моменте до того, как началось глобальное потепление и преодолеть чувство вины за непреднамеренные последствия.

Подобно постмодернистам, Мортон предлагает книгу и одновременно инструкцию по её прочтению. Это честно, но и опасно в том смысле, что задает с самого начала горизонт понимания книги. Есть история про то, как Розанов читал Шопенгауэра: «Итак, читаю я на первой странице — Мир есть мое представление — хорошо, я представляю, что книгу эту уже прочел, и ничего-то в ней для себя не нашёл». Мортон с самого начала задает горизонт мира и возможных представлений-ожиданий в своей кинематографической метафоре: если бы это был «фильм, снятый мной, его продюсером была бы объектно-ориентированная онтология [ООО] Грэма Хармана, а его исполнительными продюсерами были бы философы Иммануил Кант и Мартин Хайдеггер» [1, р. xiv].

Таким образом, в книге предпринимается попытка переосмыслить экологическую проблематику через призму идей ООО и ее основателя Грэма Хармана. И также мы видим своеобразный диалог автора с двумя фигурами, что появляются как условия самой мысли Мортон (фигуры-соблазнитель): это Кант и Хайдеггер. С ними Мортон ведет спор, утверждающий их истины и подрывающий их основы одновременно.

ООО и Мортон наследуют от Канта «вещь-в-себе», не принимая «трансцендентального субъекта», роль которого сводится, по мысли Мортон, к тому, чтобы математизировать ваш опыт и концепцию опыта прекрасного как незаинтересованного созерцания. С Хайдеггером же у Мортон на протяжении всей книги складываются весьма особые отношения. Мортон настроен на Хайдеггера решительно и критически. Темы хайдеггеровской философии всплывают в книге не только как отзвук хармановской интерпретации инструмент-

анализа, но и как требующая интерпретации музыкальная тема, сочиненная композитором прошлого, который — в исполнении, — сам оказался не готов придать ей нужное и смелое звучание. Хайдеггер скомпрометирован сотрудничеством с нацизмом, но «Хайдеггер, нравится нам это или нет, написал руководство о том, как должно развиваться мышление в конце двадцатого и начале двадцать первого веков» [1, р. 4]. И «денацификация Хайдеггера не означает игнорирование его или обход его. Денацификация Хайдеггера на самом деле означает быть более хайдеггерианцем, чем Хайдеггер» [1, р. 9].

Каким же образом Мортон предлагает это сделать? Он принимает положение философии Хайдеггера, которое Владимир Бибахин называет главной, если не единственной мыслью этого философа: «Мы не можем фиксировать бытие как некий предмет, и тем не менее мы воспринимаем предметы только в свете их бытия» [3]. Мортон присоединяется к критике Хайдеггером «метафизики присутствия», утверждающей что явленный, присутствующий в настоящем, наличный объект — есть объект как таковой, и что он БОЛЬШЕ и значимее, чем объект потенциальный, скрывающийся, неявленный. Вещи проявляются для нас, никогда полностью не совпадая сами с собой. Невозможность фиксации бытия как предметного обеспечивается принятием Кантовской идеи «вещи-в-себе», а вот «свет бытия», в котором мы видим вещи, подвергается Мортоном серьезной критике: мерцающая лампа Dasein оказалась слишком человеческой и слишком германской, чтобы идти в ее неверном свечении. Но вопрос о том, насколько глубоко и верно Мортон критикует Хайдеггера, для нас сейчас не стоит. Важно, как развиваются концепты.

Итак, это книга о том, что могли бы нам сказать об экологии Кант и Хайдеггер, оставшиеся собой, но составившие с помощью техники ООО новую фигуру. Фигуру, включающую вещи, настроение, заботу, ужас, красоту, готовность, будущность — все это грани концепта, с помощью которого мы попадем (возможно) в способность мыслить экологически. Попробуем очертить эти грани.

Вспользуемся приемом самого Мортон — развития мысли ответами — в нашем случае — на *интерпретационные* вызовы, собранными под простыми для понимания категориями в качестве подзаголовков.

Забота. Мы не забываем, что экология предполагает заботу: об окружающей среде, о правах животных, о себе. И книга Мортон не исключает заботу, напротив, как говорит сам автор, «это книга о заботе [care]» [1, р. xxxix].

Хайдеггер считает заботу [Sorge] характеристикой человеческого бытия в его целостности, а следовательно, забота — это забегание вперед, «впереди-себя-бытие», проективность. Что бы вы ни делали — вы заботитесь о своем бытии, вернее, сам способ вашего бытия есть забота. Вещи же, по мысли Хайдеггера, не способны заботиться о своем существовании, и их бытие не есть забота. Вероятно, потому, что у вещей, например у камней, нет временности, у них нет и бытия.

Мортон не сильно устраивает такое приписывание именно человеку как временности, так и способности иметь мир. Вещи имеют свою временность, время течет из них, как, их будущность [futurity], они также выступают вперед самих себя, заступают за, проектируются. И, вероятно, мы вполне можем сказать, что если забота как онтоло-

гический феномен, а не психологический, связана с будущностью, то заботятся и вещи.

Для Мортон забота также не относится к области психологии или эпистемологии, это бытийная определенность. «Правда в том, что выбор заботиться или не заботиться всегда иллюзия. Вы всегда в пространстве заботы <...> Если вы говорите «Меня не заботит эта проблема», это означает, что вы заботитесь об этой проблеме достаточно, чтобы сказать это» [1, р. 65].

Разговор об экологии, застрявший в режиме ужаса, пугающий нас страшными последствиями процесса глобального потепления, способен вызвать депрессию, чувство вины, отрицание — поэтому, парадоксально, настоящая забота оказывается беззаботностью, если только понять это правильно. Мортон использует словосочетание «care less», что можно перевести как *без-заботность* (бери на себя меньше, не парься). В некотором смысле мы слишком много на себя берем, когда в режиме плохо работающего экологического дискурса принимаем на себя всю вину. Но «не лучше ли покончить с проповедями, стыдом и чувством вины, которые являются неотъемлемой частью теистического подхода к жизни, возникшего в эпоху земледелия?» [1, р. xiii]. Получается, что без-заботность лучше соответствует экологичности, чем завязанная на потаенной агрессии стратегия навязывания вызывающих чувство вины экологических фактоидов. Дело, однако, в том, что эта беззаботность не есть бездеятельность в экологическом отношении, нужно просто научиться не застревать.

Один из способов осуществления экологического разговора — это разговор о том, как быть экологичным. Кьеркегор писал о том, что он не христианин, потому что быть христианином непосильно. Парадоксально, но это и оказывается единственным способом быть христианином — понимать невозможность осуществления этого режима жизни. С вопросом о том, как быть экологичным, дело, как нам представляется, обстоит похожим образом. Под *стать экологичным* подразумевается нечто великое, героическое, почти недостижимое для обычного человека, который, если он озабочился экологией, видит в экологичности чуть ли не экзотичность. Мышление в этом ключе слишком натужное, позерское, здесь слишком много театрального героизма и налицо попытка взять на себя слишком много, как будто, только выпучив глаза от напряжения, мы окажемся способны породить условия экологического существования. Мортон пытается выбить нас из застревания в позе эко-героизма, — которая еще и антропоцентрична, — довольно простым способом. Определяя экологичность как незаинтересованную связанность с не-человеческими существами, он попросту объявляет нас уже экологичными. «У вас есть кот? Вы его гладите? Поздравляю, вы экологичны» [1, р. 59–60].

Но Мортон не говорит нам, что мы можем спасти мир лежа на диване. Его идея в том, что существующий режим заботы сам слишком враждебен существующим формам жизни. Нам более подошла бы та забота, которая не вытекает из режима обеспечения выживания, нечто вроде игривой серьезности при легкой улыбке на лице.

Вещи. Философия всегда занимается предельными вопросами. Что значит быть? Что значит быть летучей мышью? В чем смысл жизни? Бэтмен или Супермен? Вопросом, который проблематизирует Грэм Харман, стал вопрос: что такое объект?

Тут, как нам кажется, были возможны два ответа. Первый ответ в том, что объект — это то, что о нем говорит наука. Есть только реальные физические объекты, и наука имеет к ним привилегированный доступ. Это сциентистский реализм. Второй ответ, не отрицая реальность объектов самих по себе, ограничивает наш доступ к ним нашими же способностями восприятия-конструирования. Объект — это то, что сконструировано в соответствии с правилами, заложенными в субъекта (индивидуальном или коллективном) — поэтому объекты как таковые есть наши конструкты. Это корреляционизм. Но Хармана не устраивал ни один из этих ответов, и он принялся строить теорию объекта вообще, или вещи как таковой. В русле этой теории движется и Мортон. Так что же есть вещь? И мы попробуем еще и показать, что такое экологическая вещь и как мыслить вещи экологично.

Во-первых, ООО наследует аристотелевскую идею о первичности вещи, *вот этой вещи*, не сводимой ни к своим частям, ни к своим отношениям. Харман с подозрением относится к делезианскому стремлению растворить объект в отношениях, придать первичность глаголам над существительными. Хорошо, но что происходит, когда вещи объединяются? Когда песчинки, накапливаясь, образуют кучу? Разве тут не возникает новое качество, гораздо более значимое, чем сумма песчинок? Разве куча не БОЛЬШЕ, не ЗНАЧИМЕЕ, чем все отдельно взятые песчинки? Разве Биосфера как ЦЕЛОЕ не значимее и не больше, чем сумма всех ее отдельных составляющих? Дело в том, пишет Мортон, что «целое меньше своих частей». Куча — это тоже вещь, одна, конкретная, вот эта вот куча. Это ОДНА куча, а песчинок миллионы. Это кажется таким простым, что даже смешно, но так сложно отказаться от мысли большей значимости целого, что мы продолжаем мыслить себя и миллионы нечеловеков в качестве заменимых деталей гигантского значимого паззла под названием ПРИРОДА. Ты говоришь, что заботишься о Природе, но тебе все равно, что где-то вымирают биологические виды? Ничего, говоришь ты, — они лишь детали общей, более значимой картины. Эй, не надо так!

Подход Мортон к тому, как мыслить экологические вещи, избегает как атомизма (есть лишь части, а общее иллюзорно), так и холизма (значимо лишь целое). «Биосфера — не просто удобный ярлык для целого ряда вещей, которые объединяются. Биосфера — это не просто контекст, который появляется, потому что я интерпретирую эту кучу вещей определенным образом. Биосфера — это своя уникальная, особенная вещь, и эта вещь отличается от своих частей, которые включают деревья и червей, кораллы и идеи о биосфере» [1, р. 40, 41]. Или, если выразить проще: все вещи связаны и соотносены и тем не менее все они уникальны.

Во-вторых, Кантовская идея «вещи-в-себе» позволяет вещам сохранять свою непрозрачность. Современный сциентизм предпочитает игнорирование целой традиции, начатой Дэвидом Юмом и Иммануилом Кантом, в соответствии с которой категория «то, что на самом деле» или «вещь-в-себе» ускользает от нас. Уже Юм обосновал, что «вы не можете прямо проникнуть через покров многообразных данных к вещам, как они есть» [1, р. xxxi]. Но мы — не сциентисты. И, зная, как работает наука, мы не можем религиозно относиться к фактоидам. Факт — всегда означает лишь правдоподобие [truthiness], и быть научно мыслящим означает по-

нимать, что мы живем в мире неопределенностей. Любая вещь уходит в свою глубину при касании, оборачивается множеством вещей при пристальном рассматривании, является и прячется.

В-третьих, традиционно для ООО, Мортон предлагает свою интерпретацию хайдеггеровского инструмент-анализа вещей. Вещи для нас существуют в режиме подручности — как готовые к использованию. И выпадают из этого режима, когда ломаются, становятся бесполезны, или *вдруг* мы сталкиваемся с ними неожиданно для себя. Тогда они становятся наличными вещами — противопоставленными нам объектами, которые можно рассмотреть со стороны. Но если Хайдеггер полагал, что режим подручности является первичным способом бытия вещей, то ООО и Мортон исходят из того, что это слишком антропоцентрично. Система отсылок-средств, в которой бытие вещей сводится к тому, чтобы служить «для-того-чтобы» слишком напоминает рассуждения Винни-Пуха о пчелах и меде (А зачем на свете мёд?/Чтобы я его ел). Молоток есть не только для забивания гвоздей, и этим способом бытия он не исчерпывается. Он есть еще и площадка для мух, если что. И благодаря своим — уходящим в себя, — свойствам он есть и для забивания гвоздей, и для мух, и еще для чего-нибудь. Но, рассуждая об экологии, мы продолжаем зачастую быть слишком антропоцентричными.

В-четвертых, вещи онтологически равны, что означает в экологическом контексте как раз неантропоцентрическую настройку. Все вещи связаны и все они уникальны — это странно. Странно по многим причинам, например потому, что моя пра-пра-пра...бабушка — окажется рыбой. А моим эволюционным потомком может стать киборг. И это нормально. И нам странно, что это нормально. И вполне нормально, что это странно. Не-человеческое не отделено от нас, гордых Homo Sapiens, непреодолимым барьером, или пропастью, как нам кажется, если мы представляем себя в метафоре Зловещей Долины, на одном холме которой мы, Люди, на другом холме — милые создания, природные и рукотворные — симпатичные панды, забавные роботы. Нечеловеческое слишком близко, оно близкое и странное одновременно — зловещее, жуткое. Нечто в нас, что не наше. Бактерии, от которых мы зависим. Наш ДНК, из которого к нам обращаются наши пра-пра-пра: бабушка-рыба и дедушка-неандерталец. Странно-близкое мы помещаем на дно Зловещей Долины, глубина и крутизна которой может быть показателем в том числе и таких синдромов, как расизм и видовой подход. Но ООО предлагает нам побег из Зловещей Долины: выравнивание склонов и стирание онтологических различий. Плоская онтология Мортон пытается поместить нас вместо этого в Призрачную Равнину, в которой вирусы, зомби, андроиды и панды оказываются на одном уровне. Странное не исчезает путем выведения на свет. Станным становится все. И еще раз: ВСЕ вещи связаны и ВСЕ они уникальны. Хорошо, а что это значит на деле? Онтологически больной ВИЧ и вирус ВИЧ — равнозначны? Да. А что предпочесть? Это вопрос выбора, и я выбираю больного — таков ответ Мортон [1, р. 87]. Он не удовлетворит вас, если вы хотите универсальной точки отсчета — но ее нет, а создать ее — значит снова вырыть ров Зловещей Долины.

В-пятых, то, что мы можем оказаться (или найти себя) во временной шкале истории (которая на деле, никогда не была только человеческой)

на ее этапе, который можно обозначить как век всеобщего вымирания, ставит нас перед пониманием существования гиперобъектов — слишком больших для соотнесения с ними и слишком непрозрачных, чтобы верить в возможность дать им значение через такие понятия, как История или Природа. Студенты, изучающие геологию, должны еще научиться мыслить и чувствовать в совершенно несоизмеримой нам временной шкале. Для разговора об экологических гиперобъектах необходимо облечь в глагольную форму пространство и время: *пространствовать и временишь*. К этой теме Тимоти Мортон обращается почти в каждой своей книге. Например, в «Экологии без природы» он возвращается к сюжету о текучей природе сущности — «это своего рода изотоп самой себя, который со временем истощается, энергия которого утекает через внутренний разлом между тем, что он есть, и тем, как он является. В конце концов, плутоний-239 постепенно исчезает, как «испаряются» из-за излучения Хокинга и черные дыры — самые плотные объекты во Вселенной. То, что мы называем настоящим, индивидуально для каждого конкретного сущего, и это только способ, каким его явление в итоге истощает его сущность. Под сущностью я подразумеваю будущность, а не какой-нибудь метафизически реальный субстрат вещи, будь то атомы, первичная материя, человеческий дискурс или измерительный прибор, с помощью которого я измеряю эту вещь» [4]. Гиперобъекты пространствуют в невозможных для охвата масштабах и территориях, времени в хронологических измерениях, превышающих жизнь человека и человечества.

Настроение (Stimmung, attunement). Еще один термин из философии Хайдеггера. В английском этот термин звучит как *attunement*, что даже сильнее передает его музыкальный характер. «Наше *настроение* не только приоткрывает нам, всякий раз по своему, сущее в целом, но такое приоткрывание — в принципиальном отличие от того, что просто случается с нами, — есть в то же время и фундаментальное событие нашего бытия» [5, с. 20]. Настроение как настрой на определенный музыкальный лад. Это важно. Настрой не просто открывает *то, что есть*. Само событие приоткрывания — *тоже есть*. И тот настрой, который необходим — он тоже есть. Представьте себе, как вы настраиваете гитару. Может быть разный строй, и каждый строй есть набор характеристик натяжения струн и порядка. Настрой — это тоже вещь.

С экологической проблемой мы всегда сталкиваемся в определенном настроении, которое нельзя считать случайной, всего лишь субъективной характеристикой переживаний. Настроение само является важной частью экологической проблемы, как и настрой гитары является важной частью выступления и исполнения. Все в экологической проблематике является странным: то, что наши действия как индивидов статистически неважны, но при этом в сумме порождают кризис; то, что начало процесса, возможный финал которого мы наблюдаем сейчас, было положено самой неолитической революцией, и нам почти невозможно соотнести себя с этой шкалой времени; то, что мы замираем в нерешительности перед простым вопросом «так что же делать?». Странность [weird] не психологический феномен, а событие. «Таким образом, странность, с которой мы сталкиваемся с тем фактом, что мы несем ответственность за событие массового вымирания, является его неотъемлемой частью, и ее

нельзя исключать» [1, р. 14] И мы не можем мыслить экологическое событие, длящееся уже много тысяч лет, частью которого мы являемся, как то, что можно мыслить без нас — мыслящих это. Сама странность является частью проблемы. И сама проблема является частью проблемы. Это странно? Да, вы можете ощутить себя в век массового вымирания. Мы не можем оказаться ДО катастрофы, потому что она уже есть. Уже 12 500 лет.

Alreadyness (со-готовность, со-настройка). Давайте придумаем новое слово, предлагает Мортон, продолжая диалог с Хайдеггером («always-already» или «immer schon»). Новые слова нужны для новых реалий или новых смыслов. Хайдеггер вошёл в историю философии с целым шлейфом неологизмов. Хотя, строго говоря, это скорее окказионализмы, потому что каждое словоупотребление несёт за собой весь шлейф хайдеггерианской философии и судьбы самого Хайдеггера. Новый термин становится жестом отказа от этого шлейфа. И намекает уже другое (скорее даже на Другого) как на то, что достроено к нам. Аналогия с танцем позволяет развернуть «alreadyness» как со-готовность или со-настройку. Танец получится, если готовы оба партнёра, если в их настройках есть общее. Экологическое мышление может случиться, если странность проблемы встретится с готовностью к странности. Что же способствует со-настраиванию? Ответ кажется уже традиционным — встреча с искусством.

Но встреча с искусством или встреча в поле искусства? Но это уже вопрос принятия или непринятия институциональной теории искусства. «Вы были настроены» — так можно перевести эпизод, в котором Мортон рассказывает про парижскую выставку «Ice Watch». «Современное искусство» — концепт, работающий как бренд, требующий от человека готовности раздвинуть границы восприятия, отбросить шаблоны эстетического, а тем более этического, политического или экологического суждения. Это своеобразная готовность к открытости. «Лёд тает, время течёт» — очевидный и в то же время антропоцентричный смысл. «Ледяные часы — это то, на что садятся мухи, и что игнорируют ящерицы, и то, что блещит на солнце» [1, р. 71–72]. Это встреча — диалог с глыбами льда, диалог, по сути, с нечеловеческим.

В одной стороны, мы напрямую встречаемся с вещным, но означает ли это встречу с вещью (и/или вещьностью), о которой пишет Мартин Хайдеггер в «Истоке художественного творения»? «У любого творения есть такая вещьность. Чем бы была творения, не будь у них этой вещьности?» [6, с. 53]. Но проблемой для Мортон становится статус собственно художественного *творения*.

Обращение к эстетическому значению объектов через их институциональное признание разводит Мортон и Хайдеггера по разные стороны сущности искусства в логике «Артефакта» Тьерри де Дюва: «Эта сущность, этот клубок отношений требует определиться с точкой зрения на него и протянуть одну из нитей к смотрящему. Если вы решите понимать его как образ, то вы классический философ и отдаете предпочтение репрезентации. Если как символ, вы романтик и психолог, вы перевозите экспрессию. Если как объект, вы модернист и экономист, для вас главное — производство. Если как текст, вы наш современник и семиолог, для вас главное — означивание» [2, с. 24]. Протокол эстетических суждений требует ставки на определённую парадигму, даже если вы являетесь её создателем.

«... В зависимости от вашего угла слушания [angle d'écoute] вы услышите произведение искусства представляющим тот или иной концерт отношений, который, опять-таки, заставит умолкнуть все остальные» [2, с. 25]. С одной стороны, рассуждения о неудачах информативности содержат аллюзию на хайдеггеровскую «служебность» в художественном творении («Искусство терпит неудачу когда оно пытается имитировать передачу огромного количества данных; это не достаточно художественно» [1, р. 72]). С другой — «Нечто большее» в отношении ледяных глыб на площади Парижа, или туши лося ближе скорее к кантовской «солидарности», за которой полагалась уникальность эстетического опыта. Нечто большее — это выход за пределы того, где осуществлялся поиск истока художественного творения, это по ту сторону антропоцентричного и антропологического истока. Лишь бы вы были настроены.

Незаинтересованная связанность, незаинтересованное отношение: все это отсылает нас к опыту красоты. Именно в опыте красоты мы имеем тот пример, который позволит нам понять что это значит, быть экологичным. Вещи связаны, но уникальны и неповторимы, вещи касаются друг друга своими гранями и касания образуют новые вещи, вещи включают друг друга в себя, но исключают глубины, вещи со-настроены и текучи. Красота не может не быть странной: то, что в тебе проявляется действие другого сущего — если ты имеешь опыт красоты, то что ты принимаешь как данность. Тебе нравится этот красный цвет в картине — он трогает тебя, восхищает, пугает — это действие иного. Это масштаб восприятия иных как иных, но как и действующих на тебя и в тебе.

Но вернемся к вопросу, парализующему экологических мыслителей и активистов — «Что делать?». Мы еще слишком дети неолитической революции, чтобы требование действия не вернуло нас обратно в прямую логику контроля, принуждения и исключения, логику, выступающую истоком насилия — как социального, так и по отношению к нечеловекам. Хайдеггеровская критика антропоцентризма, постава, этико-эстетической антропологии, выходит из под зонтика темы «забвения Бытия» (как будто бы можно было вчитаться в досократиков и услышать тот, заглушенный шумом социума) и радикализируется — мы ничего не забывали и нечего вспоминать. Вся история НАШЕГО Бытия — это история насилия. И что же делать? Настраиваться. Действовать нецивилизованно. Чувствовать. Соблазняться. Очаровываться. Выравнивать Зловещую Долину.

Книга завершается пассажем, вновь связывающим мысль автора с мыслью Хайдеггера, на этот раз в интерпретации Владимира Библихина, слова

которого мы осмелимся перенести на Мортон, который, как и Хайдеггер, кажется: «...думает здесь о чем-то настолько простом, что за ним трудно следовать» [7, с. 7]. Все, что есть важного, интересного и ценного в «экологичности», — уже с нами, уже всегда было здесь, ведь «...вы уже симбиотическое существо, связанное с другими симбиотическими существами. Проблема экологического сознания и действий не в том, что это ужасно сложно. Это слишком просто. Вы дышите воздухом, ваш бактериальный микробиом гудит, эволюция тихо разворачивается на заднем плане. Где-то поет птица, над головой проплывают облака. Вы перестаете читать эту книгу и оглядываетесь вокруг. Не обязательно быть экологом. Потому что вы — экологичны» [1, р. 157].

Библиографический список

1. Morton T. Being Ecological. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 240 p.
2. Дюв Т. де. Артефакт // Транслит: литературно-критический альманах. 2015. № 17. С. 24–47.
3. Библихин В. В. Хайдеггер // Знание — сила. 1989. № 10. С. 60–68.
4. Мортон Т. Экология без природы // Художественный журнал. 2015. № 96. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252> (дата обращения: 25.05.2019).
5. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 16–258.
6. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 1–120.
7. Библихин В. В. Дело Хайдеггера // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 3–14.

ИВАНОВ Алексей Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия».

SPIN-код: 2323-5316

AuthorID (РИНЦ): 202411

Адрес для переписки: decartus@rambler.ru

ПУПЫШЕВА Ирина Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия».

SPIN-код: 2298-7871

AuthorID (РИНЦ): 662219

Адрес для переписки: i.n.pupysheva@utmn.ru

Для цитирования

Иванов А. Г., Пупышева И. Н. Когда Хайдеггер — продюсер: как быть экологичным по версии Тимоти Мортон // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 129–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-129-135.

Статья поступила в редакцию 14.06.2019 г.

© А. Г. Иванов, И. Н. Пупышева

WHEN HEIDEGGER IS A PRODUCER: BEING ECOLOGICAL ACCORDING TO VERSION OF TIMOTHY MORTON

In the center of attention of the authors of the article is Timothy Morton's book «Being Ecological». The book is devoted to the problems of ecological awareness and lifestyle. Morton's unusual approach develops the ideas of Graham Harman, Immanuel Kant and Martin Heidegger, but does not offer any panacea in the era of mass extinction. Morton rather questions our own concern about finding this panacea. In an era when the ecological lifestyle seems heroic and sublime, he tells us: «you are already ecological». The authors are trying to trace how Morton develops the concepts of Kant and Heidegger, giving them, with the help of object-oriented ontology, a new and actual interpretation.

Keywords: Timothy Morton, Martin Heidegger, things, ecology, attunement, factoids, object-oriented ontology, aesthetic experience.

References

1. Morton T. Being Ecological. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 240 p. (In Engl.).
2. Duve T. de. Artefakt [Artefact] // Translit: literaturno-kriticheskiy al'manakh [Translit: literary-critical almanac]. 2015. No. 17. P. 24–47. (In Russ.).
3. Bibikhin V. V. Khaydegger [Heidegger] // Znaniye — sila. *Znaniye — sila*. 1989. No. 10. P. 60–68. (In Russ.).
4. Morton T. Ekologiya bez prirody [Ecology without nature] // Khudozhestvennyy zhurnal. *Moscow Art Magazine*. 2015. No. 96
URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252>
(accessed: 25.05.2019). (In Russ.).
5. Heidegger M. Chto takoye metafizika? [What is metaphysics?] // Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya [Time and being: articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993. P. 16–258. (In Russ.).
6. Heidegger M. Istok khudozhestvennogo tvoreniya [The origin of the work of art] // Raboty i razmyshleniya raznykh let [Works and thoughts of different years]. Moscow: Gnozis Publ., 1993. P. 1–120. (In Russ.).
7. Bibikhin V. V. Delo Khaydeggera [Heidegger's case] // Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya [Time and being: articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993. P. 3–14. (In Russ.).

IVANOV Aleksey Gennadyevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy Department.

SPIN-code: 2323-5316

AuthorID (RSCI): 202411

Address for correspondence: decartus@rambler.ru

PUPYSHEVA Irina Nikolaevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy Department.

SPIN-code: 2298-7871

AuthorID (RSCI): 662219

Address for correspondence: i.n.pupysheva@utmn.ru

For citations

Ivanov A. G., Pupysheva I. N. When Heidegger is a producer: being ecological according to version of Timothy Morton // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2019. Vol. 4, no. 3. P. 129–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-129-135.

Received 14 June 2019.

© A. G. Ivanov, I. N. Pupysheva